

*Ростов, тебе.
Санек, Леха, Антон — пацаны, вам.*

Степь

854 год до н.э.

Лошадь захрипела, всхлипнула и сбилась с шага. Его Алонта — кауряя, невысокая, быстрая, с человеческими глазами. Единственное существо, которое он когда-либо любил. Она и Степь были едины. Алонта редко спешила, она шла ровно, плавно. Продолжение его тела, его воли.

Алонта знала погони, была привычна к роли догоняющей — она чувствовала его предвкушение, мчала к крови.

За Алонтой редко гнались. Почти никто из тех, кто за ней гнался, не жил достаточно долго, чтобы рассказать об этом.

Алонта споткнулась, закричала и покатила по степи, поднимая облако пыли. Еще не встретившись с землей, он понял: ноги лошади сломаны. Алонта еще дышит, но ее больше нет. Лошадь рыдала, пока он перерезал ей горло, сам захлебываясь слезами.

Потом он побежал, не оглядываясь. Позади клубилась пыль. Беспощадное солнце смеялось в зените.

Он бежал.

И бежал.

И бежал.

На горизонте показался столб дыма. Задыхаясь, он раздраженно рыкнул. Массагеты — увешанные золотом варвары, решившие, что Степь принадлежит им. Враги, недостойные жить. Он знал, что силы скоро его покинут. В гаснущем сознании мелькнула мысль — привести то, что наступает ему на пятки, в стойбище массагетов. Слышать крики варваров, переходящие в истерический смех. Утонуть вместе с ними в черноте хохота.

Он не сбавил шага. Даже массагеты не заслуживали того, что дышало ему в затылок.

Он так и не уловил момента, когда начал сходиться с ума. Белое солнце в желтом небе. Желтая луна, зовущая его по имени. Он спал на бегу, не останавливаясь ни на минуту, с каждым шагом удаляясь от живых, падая в объятия всепрощающей Степи. Скорпионы и пауки прятались глубже под камни от звука его шагов. Разум дрожал и расслаивался. Из-за спины доносился успокаивающий шепот.

Остановись.

Ты устал.

Закрой глаза.

Отдохни.

Он сделал последний шаг и упал, подавившись криком. Онемевшие ноги. Горящие легкие. Превратившиеся в кровавые обрывки сапоги из телячьей кожи. Он во второй раз в жизни заплакал.

Потом улыбнулся — неспешно, беспечно. Слезы незаметно высохли. Черты лица разгладились.

Он легко поднялся. С хрустом потянулся, легко подпрыгнул на месте. Закрыл глаза и глубоко, с наслаждением вдохнул. Его тело чувствовало себя отдохнувшим, помолодевшим на двадцать лет.

Его разум молча кричал, пожираемый заживо.

Он хихикнул.

Потом зашелся оглушительным хохотом.

Он поднес руки к лицу и с улыбкой уставился на них, не понимая, что видит перед собой. Подавился взрывом смеха.

Сломал собственную шею одним коротким движением.

Он умер, смеясь.

1

— Э, сало, сюда подошел!

— Я че-то не понял, еб твою, ты глухой?

— Да не ссы, нам чисто спросить.

Некоторое время назад Пух принял решение: Сиси с Бурым в его мире не существует. Точнее, они, конечно, существовали, и регулярно получали от Пуха всё, что хотели, — карманные деньги, вкладыши, шоколадку или просто несколько минут унижения. Поэтому Пух постановил так: он делает вид, что не слышит свист, возгласы «Э!» и бесчисленные вариации слов «жиробас», «мясокомбинат» и «свинана», но под угрозой физической расправы вынужденно расстаётся со своей собственностью. Когда отец Пуха, профессор Худородов, спрашивал, как прошёл день, Аркаша никогда не упоминал районных гопников — во-первых, это было недостойно джентль-

мена, а во-вторых, он немного боялся за папу. Что тот мог поделаться со здоровыми дылдами?.. Как говорится, меньше знаешь — крепче спишь.

— Блять, мне че, гоняться за тобой?!

Бурый и Сися стояли в тени арки, ведущей во двор Немецкого дома — считалось, что вскоре после войны его построили пленные фашисты. Неясно было, правда это или нет, но Немецкий дом никак иначе на районе не называли. Сися был повыше, Бурый пожирнее — крупные для шестнадцатилетних, неуловимо напоминающие питбулей, одетые в положняковые спортивные костюмы «Adidas» (любую другую марку спортивной одежды носили либо додики, либо, ха-ха, спортсмены). Сися грыз семечки, зачерпывая их из кармана олимпийки.

Пух, изо всех сил старавшийся не смотреть в сторону своих мучителей, по ленивому тону понял, что те задирают его просто так, от скуки. Может, если вести себя осторожно, они отстанут? История знала такие случаи.

— Э, сюда подошел, — повторил Сися. «Сюда» он произносил как «суда» — это был особый районный шик. — Семян хочешь?

— Че?! Да пошел он нахуй, — взвился Бурый. — Самим мало.

— Тихо, братух, он нормальный пацан. Щас подогреем его.

Бурый захлопал было глазами, но быстро сообразил, что Сися затевает какую-то шутку. Он ненатурально заулыбался и сделал в сторону Пуха поощрительный жест. Аркаша замедлил шаг. Происходило

что-то непонятное: никаких семечек ему раньше никто не предлагал, и ничем хорошим это закончиться не могло. Он прикинул шансы сбежать: школа была совсем рядом, ее желтоватое здание уже виднелось за чахлыми тополями, обрамляющими Буденновский проспект, и, теоретически, он мог... Пух вздохнул. Он реалистично оценивал свою комплекцию и понимал, что далеко не убежит. Поэтому осталась единственная опция: подойти и взять проклятые семечки, которые он терпеть не мог. Как говорил его отец, ситуация выбора изначально была иллюзорной.

— О, нормально, — преувеличенно обрадовался Сися. — Давай пэтэху, сыпану.

Аркаша понимал районный пацанский язык через два слова на третье, но интонация и мимика не оставляли сомнений: старшие пацаны действительно собирались отсыпать ему семечек. Точнее, конечно, не собирались, а задумывали какую-то гнусность — вон как на периферии зрения корчился Бурый в пароксизмах едва сдерживаемого смеха. Пух вздохнул и протянул ладонь.

— Ровно держи, епта.

Сися запустил руку в карман куртки, после чего издал хриплый булькающий звук и харкнул Аркаше в протянутую ладонь сгустком зеленоватой слизи. Его приятель взвыл.

— Заебись семки? Еще будешь?

— Братан, видел его ёбач?! Я не могу...

Пух затрясся от обиды и отвращения и дернулся было вытереть руку о штанину, но в последний мо-

мент нагнулся и схватил из клумбы пучок желтых кленовых листьев. Они прилипали к пальцам; харчок размазывался и отказывался оттираться. Старшаки хватались друг за друга, сотрясаемые хохотом.

— Слышь, свинота, че надо сказать, когда пацаны тебе вкуснячку подгоняют? — вдруг гулко сказал Сися. Он больше не смеялся.

Пух стиснул зубы и с ненавистью уставился на своего мучителя.

— Я не по-о-онял, — с наигранным удивлением протянул отсмеявшийся Бурый. — Ты че, оглох, мудила?

— Не буду, — Пух впервые за последние несколько минут заговорил. Тихо, испуганно, сквозь зубы — но недвусмысленно.

— Нет, будешь, — спокойно сказал Сися, но на виске у него задержалась вена. — А то я тебя покалечу.

Бурый осторожно покосился на товарища.

— Слышь, Сисян, да хуй с ним, че с лохом рамсы катать...

— Завали.

Бурый испуганно заткнулся — он знал, что бывает, когда братана начинает вот так потряхивать.

— Ты, лошара, должен знать, — продолжал Сися, глядя в глаза парализованной ужасом жертве, — как с дядей надо разговаривать. Говори спасибо, а то я тебе лицо оторву.

Пух, ненавидя себя, своих мучителей, свою жизнь в целом и это конкретное ее утро в частности, выдавил:

— Спасибо...

Из Сиси как будто разом выкачали воздух. Он прикрыл глаза и вяло махнул рукой:

— Пиздуй отсюда.

Они с Бурым моментально потеряли интерес к жертве и возобновили прерванную беседу о новом боевике с Ван Даммом «Универсальный солдат» — теперь уже Аркаша не существовал в их мире, а не наоборот. Пух наконец отмер, отшвырнул в сторону листья и побежал — мимо серого Немецкого дома, мимо красной военной части, мимо белого памятника молодому Ленину по направлению к желтой школе №43 имени В.И.Невского, что на углу Буденновского проспекта и проулка с нелепым вычурным названием «улица Греческого города Волос».

2

Ольга Васильевна, пожилая учительница истории, фланировала между партами, наряженная в свой обычный вязаный свитер неопределенно-зеленого цвета, несмотря на южную сентябрьскую жару. Восьмой «А» историчку не особо любил, но и ненавидеть ее было не за что — тем более что весь объем концентрированной детской ненависти был направлен на жирную завучиху по воспитательной работе Наталью Олеговну и натуральную садистку, химичку Ольгу Валерьевну. Из всего спектра возможных эмоций историчке доставалось снисходительное равнодушие.

— ...Танаис был одним из крупнейших и важнейших торговых и культурных центров Приазовья. Город был основан греками ориентировочно за триста лет до нашей эры на правом берегу реки, известной нам сегодня, ребята, как?..

Пух, которого всё еще душила ненависть, хмуро слушал равномерный гул Васильевны. Историю он любил — в основном из-за того, что все войны, завоевания и прочие волнения остались в прошлом, где им самое место. На сегодняшний момент у истории был счастливый конец: человеческая цивилизация умудрилась не погибнуть в мировых войнах, родители родителей его родителей благополучно родились и прожили достаточно долго для того, чтобы генеалогическое древо семьи Худородовых принесло плод в виде него, Аркаши, более известного как Пух. «Точнее, как Жиртрест», — поправил писклявый внутренний голос, по кругу переживавший недавнее унижение и мешающий сосредоточиться на истории родного края.

Пух нервно зевнул. Позднее утро сменилось ранним сентябрьским днем — нехарактерно жарким даже для почти субтропического Ростова-на-Дону. Класс будто закутали в невидимое душное одеяло; даже самые отъявленные возмутители спокойствия молча потели за своими партами. Аркаша вспомнил, как в позатом году родители возили его на выходные в Санкт-Петербург — посетить, как выражался профессор Худородов, «колыбель революции». Колыбель запомнилась Аркаше пронизывающим ледяным холодом, висящим прямо над головой черным небом

и световым днем, длившимся минут пятнадцать. Пух рефлекторно поежился. Лучше уж потеть!

Историчка прошла мимо его парты, сделала еще несколько шагов и остановилась напротив Крюгера — лучшего (и единственного) друга Пуха, фамилия которого была вовсе не Крюгер. Ольга Васильевна, как это было у нее заведено, цепко взяла Крюгера за плечо — увидев это, Пух сжался в предчувствии неизбежного.

— Сегодняшнее название реки, на которой был возведен Танаис, скажет нам... — она выдержала паузу и уставилась на Крюгера, словно впервые его увидев. — Может быть, ты, Витя?

— А че сразу Витя?! — Крюгер вскочил на ноги, выдравшись из учительской хватки.

В классе захихикали; кто-то преувеличенно громко охнул. Ну, поехали, подумал Пух. Историчка, впрочем, улыбнулась:

— А потому, Витя, что ты должен знать историю родного края. Ну же! Не тушуйся!

Крюгер хотел сказать какую-то гадость, но вдруг замер, что-то вспомнил и нехотя шевельнул губами.

— Погромче, Витя! Ребятам не слышно!

— Донец! — рявкнул Крюгер.

Ольга Васильевна поправила:

— Не просто Донец, а Мертвый Донец.

Как по сигналу, в воздух взметнулась рука Юльки Селиверстовой — будущей медалистки, как называли ее учителя, и дуры носатой, как называли ее одноклассники. Историчка благосклонно кивнула, разрешая говорить. Селиверстова вскочила:

— Ольга Васильевна, а почему он Мертвый?

— По всей вероятности, речка в какой-то момент пересохла... Или нет! Какая разница! Это не имеет отношения к теме сегодняшнего урока! Сели оба!

Пух вяло удивился злобному тону исторички, уже возобновившей свой бубнеж про культурный центр Приазовья, но быстро отвлекся на галерку, где происходили какие-то телодвижения. Аркаша аккуратно покосился в сторону предпоследней парты, за которой сидел новенький по прозвищу Новенький — прямая спина, ничего не выражающее бледное лицо с прыщом на подбородке. Как его там?.. Вроде Степан. Точно: Степан Петренко! Или Романенко — Пух сложно запоминал нейтральные фамилии. В общем, Новенький. Он был странный: ни с кем не общался, постоянно молчал, был одет в какие-то обноски неопределенного цвета. Шпанистые одноклассники и пацаны постарше поначалу пытались его драконить, но это им быстро надоело — на унижения и даже побои Новый не реагировал вообще никак. А в чем, спрашивается, удовольствие от мучения жертвы, если она даже не пытается огрызаться?..

Иного мнения на этот счет придерживался только обитатель последней парты Сережа Питон — длинный соплеобразный мальчик, постоянно шмыгавший носом. Питон был парией другого рода — его не трогали больше из омерзения. Зато он трогал всех.

— Слышь, притырок, — прошипел он в спину Новенького, предварительно убедившись, что Ольга Васильевна находится на другом конце класса.

«Только не ведись, только не ведись», — в голове у Пуха крутилось заклинание-оберег.

Степан продолжал сидеть, глядя прямо перед собой.

Питон ткнул его в спину острием шариковой ручки.

«Просто притворись, что его нет, — мысленно кричал Пух. — Нет, и всё! Он тебе просто мерещится!»

— Что тебе надо? — полушепотом сказал себе за спину Новый, очевидно не обладавший даром телепатии.

Глаза Питона торжествующе вспыхнули.

— Чтоб ты сдох, как тот Донец!

Шутка была так себе, но вокруг захихикали. Источничка подкинулась:

— Чупров! Как ты ведешь себя на уроке?!

Питон, ожидавший именно такой реакции, как по сигналу заскулил плаксивым голосом:

— А я ничего, Ольга Васильевна!.. Это всё Степа, он меня обижает матными словами! Скажите ему!..

— Оба замолчали! Тишина в классе!.. На чем я остановилась? Ах да: античные географы считали Танаис границей между Европой и Азией. В 237 году до нашей эры город был полностью уничтожен, но...

Прозвенел звонок. Восьмой «А» вскочил и засуетился, не обращая внимания на традиционные причитания Ольги Васильевны о том, что звонок звенит для учителя; все прекрасно знали, что для какого-нибудь другого учителя он, может быть, и звенит, но для этого конкретного — точно нет. В дверях Пух запылся и покосился на Новенького — тот по-преж-